

Майкл С. Флайер

ОБРАЗ ГОСУДАРЯ В МОСКОВСКОМ ОБРЯДЕ ВЕРБНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

Среди московских обычаев и обрядов, описанных иностранными путешественниками в XVI–XVII вв., самым красочным и необычным было ежегодное религиозное шествие на Вербное воскресенье (*Действо в неделю Ваий*), проводимое за неделю до Пасхи. Изначально шествие проходило по Соборной площади Кремля; спустя некоторое время оно стало проходить и по Красной площади. На великолепное зрелище собирались важнейшие люди московского государства. Многочисленные свидетельства¹ указывают, что этот обряд был одной из главных публичных церемоний церковного календаря, наряду с Водосвятием в праздник Богоявления (6 января). В духовной жизни древней Москвы значение Вербного воскресенья было столь велико, что когда поляки, заняв город в 1611 г., хотели отменить шествие, возникла угроза народного восстания, и шествие было проведено².

В цитатах из иностранных свидетельств в угловых < > скобках будут указаны даты путешествий, а в квадратных [ ] скобках — даты написания или первой публикации. Многочисленные даты публикации означают переиздания. Там, где не указан переводчик, следует считать, что перевод выполнен мной. Я выражаю благодарность Я. С. Лурье за его ценные замечания о раннем варианте статьи.

¹ Обзор иностранных описаний Вербного воскресенья в Москве см. *Никольский К.* О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 46–97.

² *Конрад Буссов* <1685–1613>. Московская хроника. 1584–1613 / Под ред. И. И. Смирнова и др. / Пер. С. А. Акулянц. М.; Л., 1961, с. 185, 320–321. Дворянин Андрей Гундаров, никак не сам царь, вел осла. Буссов считает Вербное воскресенье вторым по важности праздником после дня св. Николы (скорее всего, 9 мая, а не 6 декабря). См. *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей // Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982, с. 6.

В первый раз шествие было описано в 1558 г. безымянным англичанином, сопровождавшим посольство Энтони Дженкинсона:

На Вербное Воскресенье здесь бывает торжественная процессия:

Берут порядочной величины дерево; укрепляют его на двух сваях так, как будто бы оно растет на них; увешивают его яблоками, виноградом, винными ягодами, финиками и другими плодами. У дерева становятся 5 мальчиков в белых одеждах, распевających песни о дереве пред процессией; затем идут юноши с зажженными восковыми свечами в руках и с большим факелом, чтобы свет не угас; за ними двое длинных хоругвей, и 6 человек с круглыми блюдами на длинных подставках, блюда из меди и все в дырах; следующие шестеро несут на плечах образа; за образами духовенство, числом до 100 и более, в дорогих ризах, у 10 или 12 лиц ризы белые, узорчатые, обрамленные прекрасными восточными жемчужинами величиной в орех, сапфирами и другими камнями. Потом шла половина Царских знатных, за ними шествовали Царь и Митрополит таким образом:

Выступает лошадь, покрытая до копыт белым холстом, уши у ней покровом удлинены на подобие ослиных. На этой лошади сидит Митрополит, с боку, как ездят верхом женщины; на складках его платья лежит книга с распятием дорогой работы на переплете; книгу эту Митрополит держит левой рукой, правой — крест, которым он беспрестанно благословляет народ во все время шествия. Человек 30 расстилают свои платья перед лошадью и, как только она пройдет по ним, поднимают платья, забегают вперед и снова расстилают, так что лошадь постоянно идет по одеждам. Расстилающие платья все сыновья священников; за их труды Царь жалует им новые платья. Один из царских знатных ведет лошадь за голову; сам же Царь, идя пешком, ведет лошадь за конец повода узды одной рукой, в другой он держит пальмовую ветвь. За лошадью следуют остальные царские придворные, дворяне и громадная толпа народа. В таком порядке они ходят от одной церкви к другой по Кремлю³, на расстоянии

³ Карта *Кремленграда* начала XVII века, приводимая на рис. 1, хотя и составлена позже того времени, к которому предположительно относится возникновение обряда Вербного воскресенья (50-е годы XVI в.?, до завершения строительства Покровского собора), все же помогает проследить его последующее развитие.

двух полетов ядра, и таким же образом возвращаются в Царскую Церковь, где и оканчивают службу. По окончании Царь с некоторыми из своих знатных идут обедать к Митрополиту, где не бывает недостатка в изысканных рыбах и добрых напитках⁴.

В более поздних описаниях упоминается раздача митрополитом вербных веток (народу) и подарков (знатным придворным)⁵. Царь получал от митрополита двести рублей — плата за участие в шествии, как полагали иностранные очевидцы⁶.

В свидетельстве 1564–1576 гг. Генриха фон Штадена, немецкого наемника в опричнине Иван Грозного⁷, содержится одно существенное различие: прежде чем вернуться в Успенский собор (п. 20 на рис. 1)⁸, шествие прошло вдоль Кремлевской стены к Иерусалимскому приделу Покровского собора на Красной площади (п. 1а на рис. 1). То же самое говорит в своем докладе от 1576 г. князь Даниэль фон Бухау, посол Священной Римской империи в Московии:

В Пальмовое воскресенье, так названное по пальмовым листьям, простертых перед Спасителем на Въезде в Иерусалим, под хор отроков, поющих «Благословен грядущий во имя Господне, осанна в вышних!», митро-

⁴ *Середонин С. М.* Известия Англичан о России XVI в.: Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус. Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете. М. 1884, с. 18–19. См. английский текст в: *Hakluyt R.* The Principall Navigations Voiages and Discoveries of the English Nation / Факсим. изд., пред. David Beers Quinn and Raleigh Ashlin Skelton (Cambridge, 1965), с. 341–342.

⁵ *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях // Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст.: В 2 т. Изд. 3-е доп. М., 1895. Т. 1. Ч. 1, с. 414–415.

⁶ *Fletcher Giles* <1588–1558 [1589]>. Of the Russe Commonwealth. Факс. изд. с вар., пред. Richard Pipes. Cambridge, Mass., 1966, с. 105. *Olearius Adam* <1634, 1636, 1639, 1643 [1647, 1656]>. The Travels of Olearius in Seventeenth-century Russia. Под ред. и в пер. Samuel H. Baron. Stanford, 1967, с. 100. Антонио Поссевино говорит о ста рублях. См. *Possevino Antonio* <1582 [1584, 1882]>. The Mission to Muscovy // The Mission Moscovitica / Под ред. и пер. Hugh F. Graham, Canadian Slavic Studies, т. 6, вып. 3, 1973, с. 475; *Collins Samuel* <1657–1666>. The Present State of Russia in a Letter to a Friend in London. Written by an Eminent Person Residing at the Great Tsars Court at Mosco for the Space of Nine Years. London, 1671, с. 17.

⁷ *Von Staden Heinrich* <1564–1576? [опубл. 1578–1579]> / The Land and Government of Muscovy: A Sixteenth-Century Account / Trans. and ed. Thomas Esper. Stanford, 1967, с. 22, 41.

⁸ Неоправданы возражения К. Никольского против того, что Дженкинсон ограничивает церемонию стенами Кремля (О службах [см. прим. 1, 55]). Очевидно ритуал не распространялся на территорию Красной площади вплоть до освящения приделов церкви Покрова «что на рву», произошедшего 1 октября 1560 г.: ПСРЛ, т. 13, 320 <7069>.

полит верхом на осле, в сопровождении епископов подъезжает к храму, носящему имя Иерусалима.

Великий князь обычно сам ведет осла митрополита; перед ним несут деревянный крест, как и перед епископами⁹.

В своем третьем варианте, введенным Никоном в 1656 г., обряд разделяется на два шествия: пешую процессию от Успенского к Покровскому собору и Шествие на ослиати от Лобного места на Красной площади назад к Успенскому собору Кремля.

Хотя первые гравюры с изображением Вербного воскресенья относятся уже к XVII в., они воспроизводят многие элементы, известные по ранним описаниям. На рис. 2 и 3 изображены шествия 1636 и 1662 гг. на основе описаний, сделанных Адамом Олеариусом и бароном Августином Мейербергом.

Пожалуй самым спорным моментом шествия была фигура царя, выполнявшего функции конюшего митрополита. В приведенных выше цитатах речь идет о самом Иване Грозном; то, что он выступает в качестве ничтожного прислужника, — факт тем более необычный. Как следует его понимать? Следует ли считать, что приниженный образ царя нарушает этикет, по которому царь занимает высшее и ничем не ограниченное положение в социальной иерархии?¹⁰ Или же мы имеем здесь дело с редчайшим проявлением «политической культуры» московского двора, с одной из реалий «неформальной, корпоративной, олигархической системы», обычно скрытой за сложным протоколом, иерархической но-

⁹ Даниэль, князь фон Бухау <1567, 1578 [написано в 1577 г., опубли. в 1668, 1679, 1681, 1687 гг.]>. Начало и Вознесение Московии / Пер. И. А. Тихомирова. ЧОИДР, 1867, кн. 3, отд. 2, с. 40. Мирослав Лабунька неверно характеризует свидетельство Даниеля как самое старое западное описание этого обряда, не обращая внимание на описания спутника Дженкинсона и Штадена: *Labunka M. The Legend of the Novgorodian White Cowl: The Study of its 'Prologue' and 'Epilogue'*, [неопубл. док. дисс.], Columbia University, 1978, 257, n.]. Игнорируя английское свидетельство, Лабунька следует традиции, идущей, судя по всему, от К. Никольского, которой придерживаются последующие исследователи. См. *Никольский К. О службах* [см. прим. 1], с. 54–55; *Ostrogorsky G. Zum Stratordienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt // Seminarium Kondakovianum*, т. 7 (1935), с. 195; *Crummey R. O. Court Spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality / Essays in Honour of A. A. Zimin*, под ред. Daniel C. Waugh. Columbus, 1985, с. 143, пр. 10. Кажется, что и М. Снегирев принимает английское свидетельство, но приписывает его скорей Хаклайту, чем Дженкинсону, а также ошибочно относит первое описание церемонии (ограниченное Кремлем) к хронике Мартина Бера [Конрада Буссова]: *Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. В 4 частях. М., 1838, ч. 3, с. 161–164.*

¹⁰ *Hellie R. What Happened? How Did He Get Away with It? Ivan Grozny's Paranoia and the Problem of Institutional Restraints // Ivan the Terrible: A Quarcentenary Celebration of His Death [Russian History 14, вып. 1–4, ред. Richard Hellie, с. 219, 221.*

менклатурой и церковным церемониалом, разработанными с большой изобретательностью и фальшивой пышностью?¹¹

Возможно и то, что зрители воспринимали приниженную фигуру государя как одну из условностей религиозного обряда, никак не связанного с политикой.

Для ответов на эти вопросы прежде всего необходимо сделать обзор существующих материалов. Затем мы проведем иконографический анализ обряда, который покажет, что шествие не принижало, а наоборот, возвеличивало московского государя. Особое внимание мы уделим символическому значению фигуры конюшего. Сперва же нужно дать определение самому Вербному воскресенью.

МЕСТО ВЕРБНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ В ПРАВОСЛАВНОМ КАЛЕНДАРЕ

Вербное воскресенье и Пасха уникальны тем, что из воскресных дней пасхального периода лишь они обращены и в прошлое, и в будущее, являясь одновременно кульминацией предыдущей недели и началом следующей¹². С одной стороны, Вербное воскресенье завершает *Седьмицу ваий* — неделю, когда отмечаются события, предшествующие воскрешению Лазаря в Вифании. Само воскрешение празднуется в Лазареву субботу накануне Вербного воскресенья: в тот день Христос воскресил Лазаря, четыре дня как умершего и уже смердящего в могиле. С другой стороны, Вербное воскресенье — это начало Страстной недели. Въезд Христа в Иерусалим неизбежно ведет к его казни, а затем к воскрешению. В обоих контекстах Вербное воскресенье символизирует победу над смертью и напоминает нам о грядущем дне Страшного суда (Откровение, 20:12–15). Связь между Всеобщим воскресением и воскрешением Лазаря прослеживается в тропаре на Лазареву субботу и Вербное воскресенье:

Общее Воскресение прежде Твоя страсти уверяя,
из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже. Темже и
мы яко отроци победы знамения носяще, Тебе победителю
смерти вопием: осанна в вышних, благословен
грядый во имя Господне¹³.

Вербное воскресенье интерпретирует идею воскресения и в историческом, и в эсхатологическом ключе; оно символизирует надежды

¹¹ Keenan Ed. L. Muscovite Political Folkways // Russian Review, 1986. Т. 45, вып. 2, с. 129.

¹² См. Flier M. S. Sunday in Medieval Russian Culture: *Nedelja* versus *Voskresenie* Medieval Russian Culture / Ред. Henrik Birnbaum и Michael S. Flier. California Slavic Studies, т. 12. Berkeley — Los Angeles — London, 1984, с. 124–131.

¹³ Тропарь, глас 4; приводится в русской церковнославянской редакции.

православной паствы, готовящейся к наиглавнейшему испытанию: Страшному суду.

Обряд, воспроизводящий Вход Господень в Иерусалим, несет в себе систему символов, которая функционирует как в линейном, так и в замкнутом — мифологическом — времени¹⁴. Реальное историческое событие приобретает космические масштабы и по ходу истории регулярно проигрывается и подтверждается. Символические проигрывания реального исторического события укрепляют единство социума. Согласно Клиффорду Гирцу, обряд/ритуал одновременно отображает и моделирует социальную и психологическую реальность¹⁵. Ежегодное празднование Вербного воскресенья укрепляло веру православной паствы в грядущее спасение человечества, как это было предопределено Первым пришествием и Воскресением. Они — прообразы Второго Пришествия и Общего воскресения, окончательной победы над смертью. Шествие было столь популярно потому, что успешно преобразовывало историческое и эсхатологическое измерения в единую реальность, позволяя средневековой Москве соприкоснуться с древним Иерусалимом, а также с Новым Иерусалимом, находящимся вне времени. С каждым проигрыванием обрядовые образы царя и митрополита одновременно отображали и укрепляли идею о спасении в сознании православной паствы.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРБНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ В МОСКОВИИ

Вербное воскресенье стало частью ритуальной жизни Москвы к середине шестнадцатого столетия. Соответственно, ему уделяется мало внимания в русских источниках. Существуют лишь три ссылки, да и те описывают не московское шествие, а новгородское, тем самым дополняя наши иностранные источники.

Первое упоминание о новгородском обряде содержится в «Сказании о Белом клобуке», сочинении конца XV в., приписываемом окружению архиепископа Геннадия (1484–1504 гг.)¹⁶. В эпилоге рассказы-

¹⁴ Ср. взгляды на геологическое время, обсуждаемые в книге: *Gould S. J. Time's Arrow, Time's Cycle: Myth and Metaphor in the Discovery of Geological Time*. Cambridge, Mass. — London, 1987.

¹⁵ *Religion as a Cultural System / Anthropological Approaches to the Study of Religion*. Ред. М. Бантон. London. 1966, перепечатано в: *Geertz Cl. The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York, 1973, с. 93.

¹⁶ *Labunka, Legend* [см. прим. 9], с. 194 и след. Существует противоречие в датировках Повести: одни относят ее к 1490-м гг., другие — к середине XVI в., см. *Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв.* М.—Л. 1960, с. 231 и след. Если второе мнение справедливо, то вполне возможно, что обряд сначала был введен в Москве и лишь потом его происхождение было приписано Новгороду для придание ему авторитета традиционности. Как бы то ни было, я здесь буду традиционно использовать данные про новгородскую процессию.

вается о праздничном шествии от Софийского собора к церкви Святого Иерусалима внутри новгородского кремля; шествие вел архиепископ Геннадий верхом на осленке. В «Сказании» не говорится, вел ли кто-либо осленка архиепископа под уздцы. Лабунька предполагает, что это обстоятельство умалчивается по ошибке: невозможно представить, чтобы архиепископ вел шествие такого масштаба без помощника¹⁷. Если архиепископ к тому же держал в руках крест и Священное писание, то кто-то должен был вести его осла.

Второе, самое раннее из датированных упоминаний относится к 1548 г. В этом описании новгородского шествия говорится, что новгородские наместники, князь Иван Михайлович Шуйский и Юрий Михайлович Булгаков, вели осла архиепископа от Софийского собора к церкви Входа Господнего в Иерусалим и обратно¹⁸. Архиепископ отдал наместников иконами литого золота и церемониальными серебряными чашами, каждая стоимостью в пять московских рублей. Известные нам по описаниям элементы московского шествия — дерево, ряженая лошадь, хор мальчиков, простирающие одежды — здесь не упоминаются.

Третья ссылка содержится в архиепископальном чиновнике Великого Новгорода и Пскова¹⁹, очевидно собранном в 1550–1563 гг. в Волоколамском монастыре, но основанном на записи 1527 г. А. П. Голубцов считает, что чиновник отражает новгородскую литургическую практику 40-х гг. XVI в.²⁰ После заутрени, по окончании третьего часа воскресной литургии архиепископ садится на осла, ведомого двумя наместниками, и отъезжает от Софийского собора. Перед ним несут большую вербу, увешанную плодами («на ветвех же ея обешено гроздие разно»), символизирующую («в образ») Спасителя. Шествие доходит до храма Входа Господнего в Иерусалим, и там архиепископ спешивается, благословляет наместников и за их труды приглашает разделить трапезу («за труды их ести зовет»). Следует отметить, что это описание Вербного воскресенья содержится в части чиновника, над которой поработало минимум шестеро писцов и которая пестрит вставками и аннотациями, входящими аж до 1556 г.²¹ Более того, в издании Голубцова весь абзац с описанием украшенной

¹⁷ Там же. С. 240–241.

¹⁸ Куприянов И. К. Отрывки из Расходных книг Софийского дома за 1548-й год // Изв. Имп. Арх. общества. 1861, т. 3, вып. 1, стлб. 48.

¹⁹ Чин церковный архиепископа Великого Новгорода и Пскова // А. П. Голубцов, Чиновник Новгородского Софийского собора / ЧОИДР, 1899, кн. 2, ч. 1, с. 239–262. Материалы по церемонии Вербного воскресенья находятся на с. 256–257.

²⁰ Там же, ix–xiii. См. *Labunka, Legend* [см. прим. 9], с. 231 и след.

²¹ Голубцов, Чиновник Новгородского Софийского собора [см. прим. 9], xii–xiii.

вербы выделен отдельным шрифтом: это означает, что абзац является интерполяцией, на что Лабунка в своей статье не обратил внимания²². Возможно, верба была московским нововведением²³. Прочие описания шествий в Новгороде и в Москве относятся уже к семнадцатому столетию и не могут рассказать нам ничего существенного о становлении обряда²⁴.

Нет доказательства, что в Москве обряд исполнялся уже к концу пятнадцатого столетия, как в Новгороде. Более того, Лабунка приводит убедительное доказательство, что в Москве обряд не исполнялся до 1498 г.²⁵ Существует расшитая погребальная пелена, принадлежавшая княгине Елене, вдовой невестке Ивана III, на которой изображено праздничное шествие на Вербное воскресенье 8 апреля 1498 г. В церемонии участвуют великий князь Иван III, его сын Василий, его внук царевич Дмитрий, сама княгиня Елена и митрополит Симеон. Шествие проходит пешком — не видно ни осла, ни лошади. Лабунка согласен с теорией М. В. Щепкиной²⁶, которую разделяют А. В. Свирин и Н. А. Маясова²⁷. А. И. Грабарь полагает, что на пелене изображено реальное шествие, но что это не может быть шествием на Вербное воскресенье, поскольку ветви держат не придворные²⁸. Таким образом, шествие на пелене не было окончательно идентифицировано. Чиновник Успенского собора в Москве за 1622 г. содержит описание священника, несущего образ Богомате-

²² Legend [см. прим. 9], с. 503.

²³ В пользу такой интерпретации свидетельствует тот факт, что в расходных книгах, относящихся к проведению обряда Вербного воскресенья в соборе Св. Софии 1548 г., не говорится ни о каких расходах на оплату певцов, людей, расстилающих одежды, плотников и продавцов фруктов. Напротив, про «халдеев», участвовавших в постановке декабрьского Пещного Действа, говорится, что они получили по 8 алтын на сапоги и рукавицы и по 2 московских гривны — видимо, за представление. См. *Куприянов*, Отрывки... [см. прим. 18], стлбб. 34, 36.

²⁴ *Голубцов А. П.* Чиновник Новгородского Софийского собора [см. прим. 19], с. 180–188; он же. Чиновник Московского Успенского собора // *ЧОИДР*, 1907, кн. 4, ч. 1, с. 102–108 (2-е изд.); с. 150–153 (3-е изд.).

²⁵ См. Legend [см. прим. 9], с. 255–256 и прим.

²⁶ *Щепкина М. В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. М. 1954, с. 12–21.

²⁷ *Свирин А. В.* Древнерусское шитье. М., 1963, с. 52–55; *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971, с. 20, рис. 27.

²⁸ *Грабарь А. И.* Заметка о методе оживления традиции иконописи в русской живописи XV–XVI вв. / *ТОДРЛ*, 1981, т. 36, с. 291–294. Н. А. Маясова продолжает соглашаться с идентификацией московских придворных, предложенной М. В. Щепкиной, и не настаивает на том, что изображенная сцена — действительно процессия Вербного воскресенья, видимо, соглашаясь с А. И. Грабарем в том, что изображено просто почитание иконы Богоматери Одигитрии: *Маясова Н. А.* Памятники листового шитья из собрания Успенского собора // *Успенский собор Московского Кремля* / Под. ред. Е. С. Смирновой. 1985, с. 198–200.

ри, в окружении двух дьяконов²⁹. Таким образом, описание Вербного воскресенья спутником Дженкинсона является самым ранним и точным. Обряд не упоминается даже у Герберштейна, который посещал Русь в 1517 и 1526 гг. и много писал о московской жизни³⁰.

Можно сделать следующие выводы. По сравнению с московским шествием, Вербное воскресенье в Новгороде было не таким изысканным, по крайней мере до середины XVI в. Новгородский обряд состоял из Шествия на ослия от Софийского собора до церкви Входа Господня в Иерусалим, а также праздничных молитв и песнопений. Роль конюшего исполнялась новгородскими наместниками.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБРЯДА ВЕРБНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

На основе рукописных свидетельств, русских и иностранных, принято считать, что обряд Вербного воскресенья зародился в Новгороде в конце XV в. и был занесен в Москву после 1542 г., когда архиепископ новгородский Макарий стал митрополитом московским³¹.

Острогорский, первый исследователь обрядовой функции конюшего, предположил, что обряд, инсценирующий Вход в Иерусалим, был принесен в Новгород из Иерусалима греками, но что сама фигура конюшего пришла в Новгород другими путями. Шествия в Иерусалиме точно следовали евангельскому тексту, где конюший не упоминается³².

²⁹ Голубцов, Чиновник Московского Успенского собора [см. прим. 24], с. 105.

³⁰ *Sigismund von Herberstein*. *Rerum Moscoviticarum Commentari*. Vienna, 1549 [и послед. лат. и нем. издания]. Однако ни в один из двух своих приездов Герберштейн не был на Вербное воскресенье в самой Москве. Вербное воскресенье попадало на 5 апреля 1517 г. и 25 марта 1526 г., а Герберштейн находился в Москве с 14 апреля по 21 ноября 1517 г. и с 26 по 11 ноября 1526 г. Учитывая, однако, его интерес к церковным обычаям, в любом случае можно было ожидать хотя бы случайного упоминания о необычных действиях, связанных с Вербным воскресеньем.

³¹ См. *Ostrogorsky*, *Zum Stratordienst* [см. прим. 9], с. 195, 202. Лабунька (*Legend* [см. прим. 9], с. 251 и сл.) справедливо называет инициатором обряда Вербного воскресенья новгородского архиепископа Геннадия, а не Макария, который, став митрополитом, просто принес в Москву свои знания об основном ритуале. Связь Геннадия с «Повестью о белом клобуке» и упоминание обряда Вербного воскресенья с Шествием на ослия в эпилоге этой повести обосновывают гипотезу Лабуньки.

³² Судя по всему, Вход Христа в Иерусалим греки воспроизводили на Святой земле уже с начала V в.: процессия шла с Елеонской горы в церковь Воскресения в храме Гроба Господня. Паломница Егерия утверждает, что «епископа вели так же, как когда-то вели Господа», что некоторые исследователи интерпретировали как указание на то, что епископ ехал на осле. Дети пели осанну и несли пальмовые и оливковые ветви. Начиная с VI в. в течение восьми веков процессию Вербного воскресенья переняли в персидской Несторианской церкви и в Западной Европе. *Egeria: Diary of a Pilgrimage* / Пер. и аннот. George E. Gingras. New York, Ramse, N.J., 1970, с. 103–105, 156 (прим. 167), 123 (прим. 259).

В византийских описаниях Вербного воскресенья фигура конюшего также отсутствует³³. Острогорский выдвинул гипотезу, что новгородское Шествие на осляти было заимствовано из «Дара Константина», подделки VIII в., где Константин Великий якобы дарует папе Сильвестру власть над Римом и его окрестностями. «Дар» был оружием в нескончаемой борьбе церковников с западноевропейскими светскими властями. Будем условно считать «Дар» в целом подделкой номер один. В более поздней вставке в «Даре» говорится, что Константин короновал папу Сильвестра белым клобуком и вел по уздцы его лошадь в знак почитания первого папы римского — св. Петра. Константин якобы также повелел, что лишь наследники св. Петра могут носить белые клобуки. Эту вставку с описанием Константина в роли конюшего и завет о белом клобуке следует считать подделкой номер два. Начиная с VIII в. отрывок «*броды коня его [папы Сильвестра] своими руками держаще ради чести блаженного Петра конюшским саном дахомся ему*» служил обоснованием символического почтения, оказываемого западноевропейскими мирскими властями церковным. В самом раннем свидетельстве рассказывается, что франкский король Пепин Короткий держал под уздцы лошадь папы Стефана II у Понтиона в январе 754 г.³⁴

Если фигура конюшего в новгородском обряде — символ подчинения мирской власти церковной, как в «Даре Константина», помогает ли это нам понять, почему конюший стал частью обряда именно в конце XV в.? Дело в том, что именно в этот период новгородская церковь создавала идеологический арсенал для борьбы с сектой жидовствующей

³³ В самом Константинополе в Вербное воскресенье проходили две разные церемонии: одна с патриархом, другая с императором. В IX или X в. патриарх принимал участие в Шествии на осляти, двигавшемся от Айя-Софии к собору Сорока Мучеников, потом шел пешком к Форуму Константина и назад к Айя-Софии. Нет никакого упоминания о том, что ему прислуживали, когда он ехал на осле. Император проводил церемонию в своем дворце и вокруг него, избегая патриарха, и, таким образом, ему не нужно было принижать себя в присутствии прелата, когда последний изображал Христа. В тех случаях, когда Вербное воскресенье совпадало с Благовещением и император был обязан присутствовать на службе в соборе Сорока мучеников, он шел в храм лишь *после* того, как патриарх совершал Шествие на осле и раздавал ветви. Последующая процессия происходила согласно установленному порядку: и патриарх, и император шли пешком. См. *Дмитриевский А.* Хождение патриарха Константинопольского на жеребяти в неделю ваий в IX и X веках // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, с. 67–75; *Cameron A.* The Construction of Court Ritual: The Byzantine Book of Ceremonies // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies* / Ред. David Cannadine и Simon Price. Cambridge, 1987, с. 117. Шествие на осляти было отмечено тогда, когда император стал участвовать в обряде Вербного воскресенья вместе с патриархом, возможно в XIV в. См. *La-bunka, Legend* [см. прим. 9], S. 225–226.

³⁴ *Ostrogorsky, Zum Stratordienst* [см. прим. 9], с. 187.

щих, а также со светскими властями, посягавшими на церковную собственность³⁵. В Новгороде, где были сильны западные влияния и антикняжеские настроения, эта часть обряда могла подчеркивать духовное и даже политическое первенство архиепископа. Приближенные Геннадия создавали сочинения, превозносящие власть церкви, в том числе «Легенду о Белом клобуке» Дмитрия Малого³⁶ и «Слово кратко против тех, иже в вещи священныя...» (1497), написанное хорватским доминиканским священником Вениамином. Вербное воскресенье, которое кратко описал Герасимов в эпилоге «Легенды», было лишь малой частью церковного идеологического арсенала. Следует, однако, задать вопрос: можно ли сводить значение этого обряда только к борьбе религиозных и светских властей за церковную собственность, особенно если учесть, что конюшим выступал не великий князь московский, а всего лишь его наместники?

Из анализа летописей, церковных трактатов, посланий, живописных изображений и языковых инноваций того времени следует, что перед Русью стояли более серьезные проблемы, чем посягания на церковные кофры. После падения Константинополя Московия стала последним бастионом независимого православия — более того, православия, стоящего на пороге новой эры³⁷. Согласно византийской эсхатологической мысли, мировая история должна была закончиться по истечении одной космической недели или семи тысяч земных лет. В начале восьмого тысячелетия Христос должен вернуться на землю (Второе пришествие) и свершить Страшный суд. После общего воскресения мертвых праведники будут допущены в Небесный Иерусалим, тогда как всему остальному человечеству суждено вечно гореть в аду. В Византии было подсчитано, что мир был создан за 5508 лет до пришествия Христова; следовательно, восьмое тысячелетие должно было наступить 1 сентября 1492 г.

Архиепископ Геннадий отправил Дмитрия Траханиота в Западную Европу, чтобы выяснить научные методы вычисления точной даты конца света. Православная церковь была абсолютно уверена, что конец

³⁵ *Wieczynski J. L.* Archbishop Gennadius and the West: The Impact of Catholic Ideas upon the Church of Novgorod // *Canadian-American Slavic Studies*, 1972, т. 6, вып. 3, с. 374 и сл.

³⁶ Большинство специалистов считают, что Дмитрий Малый — это Дмитрий Герасимов, несмотря на упоминание в некоторых списках Сказания Дмитрия Переводчика или Грека. Подробнее см. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба... [см. прим. 16], с. 226–230, и *Legend* [см. прим. 9], с. 43–84.

³⁷ Про антивизантийскую, по существу, точку зрения в московском мифотворчестве при описании падения Византии см. *Majeska G. P.* Russia's Perception of Byzantium after the Fall // *The Byzantine Legacy in Eastern Europe* / Ред. Lowell Clucas. Boulder, New York, 1988, с. 19–31.

света наступит по истечению седьмого тысячелетия, и даже пасхальные таблицы доходили только до 7000 года³⁸.

В период эсхатологических треволнений мысль об общем воскресении должна была служить утешением верующим. Эта мысль доминировала при праздновании Вербного воскресения, которое стало так называться именно в конце XV в. Этот день зачинал цикл пасхальных воскресений и подчеркивал вневременную актуальность Воскресения Христа и общего воскресения мертвых³⁹.

Введение обряда Вербного воскресения можно рассматривать как попытку Геннадия и новгородской церкви убедить свою паству в неизбежности общего воскресения, в противовес ереси жидовствующих. Шествие на ослати в день рукоположения митрополита в конце XV в. также следует рассматривать как попытку поднять авторитет церкви в дни духовного кризиса. В 1495 г., когда Симеон стал митрополитом по велению Ивана III, в Вологодско–Пермской хронике было записано, что «осля тогда водил под митрополитом Михаило Русалка»⁴⁰.

При последующем анализе образа государя в московском шествии, мы будем рассматривать как исторические, так и апокалиптические коннотации Вербного воскресенья.

НАРУШЕНИЕ ЭТИКЕТА

Рассказ спутника Дженкинсона в сочетании с деталями из позднейших свидетельств дает нам самое раннее и полное описание московского обряда. Расположение участников церемонии отражает иерархию культурно значимой части московского общества⁴¹. Простой народ лишен знаковой ценности и никак не представлен в шествии. В центре происходящего находятся царь и митрополит, главы государства и церкви. Спереди и позади них выступают дворяне и чиновники, представители власти; за чиновниками следуют купцы, финансовые столпы государства. Дети (сыновья духовенства и знати) направляют внимание публики к главным элементам шествия: он поют осанну у дерева и расстилают одежды перед главными участниками процессии. Зрители состоят из царских стрельцов и почетных гостей, например, иностранных послов.

³⁸ Древние русские пасхалии на осьмую тысячу лет от сотворения мира // Православный собеседник, 1860, вып. 3, с. 333–334; Legend [см. прим. 9], с. 73–76.

³⁹ См. Flier, Sunday [см. прим. 12], с. 141–145.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 26 (1959), с. 326. Ссылки см. Labunka, Legend [см. прим. 9], с. 226–273. Тот факт, что светский чиновник прислуживает на церемонии официального введения митрополита в должность, позволяет предположить, что такая же служба исполнялась в более ранней новгородской версии обряда Вербного воскресенья.

⁴¹ См. Crummeу, Court Spectacles [см. прим. 9], с. 136.

Пеший царь ведет под уздцы ряженую ослом лошадь митрополита. После службы в главном государственном соборе (Успенском) шествие собирается и, вероятно, движется к Архангельскому собору (царской усыпальнице), оттуда идет к Благовещенскому собору (царской домово́й церкви), а затем возвращается в Успенский собор для окончания службы. Во втором варианте шествие движется между Успенским собором Кремля и Покровским собором на Красной площади.

Само расположение главных участников церемонии говорит об их принципиальном неравенстве. Тогда как царь пешком ведет под уздцы лошадь митрополита, сам митрополит едет верхом, возвышаясь над государем; в руках у него крест и Евангелие. Неудивительно, что англичане сочли такое расположение действующих лиц доказательством превосходства митрополита над царем:

Митрополит приближен Богу, Пресвятой Деве и св. Николаю; царь признает превосходство митрополита, говоря тем самым, что митрополит — духовный служитель Бога, тогда как царь всего лишь временный Его служитель, и потому Его Величество подчиняется митрополиту во многих делах религии и ведет его лошадь на Вербное воскресенье, а также разрешает ему сидеть в кресле на 12-й день (Крещение), во время благословления вод реки Москвы, когда сам император стоит на льду посреди реки⁴².

Рассматривая значение обрядового конюшего на Руси, Острогорский делает упор на фигуру подчинения. Когда митрополит Макарий рассказал Ивану о том, что Константин Равноапостольский прислуживал в качестве конюшего своему духовному наставнику, папе Сильвестру, то молодому, импульсивному и крайне набожному Ивану наверняка захотелось скопировать почтительный жест Константина⁴³. Цитату из «Дара» Макарий поместил в ответном письме, где он предостерегает молодого царя от посяганий на церковные земли и прочую собственность, а также добавляет от себя к завету Константина: император якобы велел, чтобы всем наследникам престола св. Петра оказывалось такое же уважение.

Мы же покрываху его главному о сем белым видом светлое Воскресение начертавше на священнейшую главу его своима руками положихом, брозды коня его

⁴² Hakluyt, Principall Navigations [см. прим. 4], с. 343–344.

⁴³ Zum Stratordienst [см. прим. 9], с. 201.

своими руками держаще ради чести блаженного Петра конюшским саном дахомся ему. Повелеваем того же чина и обычая всем, иже по нем святителем всегда творити в пояздах своих по подобию царства нашего⁴⁴.

Импровизация Макария с конюшим — подделка номер три, или «подделка в третьей степени», как заметил Острогорский⁴⁵. Гипотезу Острогорского поддерживают медиевисты Роберт Крамми и Пол Бушкович.

Крамми считает, что в Вербное воскресенье ударение делается на смирении царя перед Христом, представленным фигурой митрополита, но также допускает дополнительное значение: подчинение светской власти духовной⁴⁶. Бушкович идет еще дальше, утверждая, что «царь демонстрировал смирение именно перед митрополитом, а не перед Богом или Спасителем в его лице»⁴⁷. Поведение царя во время шествия было антиподом его поведению в других ситуациях, обусловленных этикетом. Во время аудиенций царь сидел, а все присутствующие стояли. Если же его придворные присаживались, их сидения приходились ниже царского трона⁴⁸. Следует полагать, что явная приниженность царя во время шествия — это приниженность намеренная, призванная не унижить, а наоборот, возвеличить царский образ через благочестивый подвиг смирения. Митрополит не одаривает его драгоценными иконами, как наместников в Новгороде, а платит обычной государственной монетой, рублями, тем самым еще острее подчеркивая царское уничижение. С одной стороны, такая плата — аллюзия на «кесарево кесарю» (Матфей 22:21), с дру-

⁴⁴ *Мойсеева Г. Н.* Старшая редакция Писания митрополита Макария Ивану IV // ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 471. Здесь текст воспроизведен по рукописи PS №7 конца XVI в. Эта рукопись содержит два текста: 1) письмо (*писание*) митрополита Макария князю Ивану, написанное, судя по всему, ранее 1547 г., и 2) *ответ* Макария и его письмо к царю Ивану, написанные после 1547 г. Ссылка на *Дар* есть во втором тексте, *вопреки* Лабуньке, который относит ее к первому тексту, судя по всему, не обратив внимания на то, что в одну рукопись были сведены два разных текста (Legend [см. прим. 9], с. 252, прим. 1). Дональд Островски приводит текстологическое свидетельство, позволяющее предположить, что письмо (1) на самом деле написано после ответа (2), и что оба текста были написаны между коронацией Ивана IV в 1547 г. и созывом Стоглавого Собора в 1551 г.: *Ostrowski D.* A 'Fontological' Investigation of the Muscovite Church Council of 1503 [неопубл. докт. дисс.]. Pennsylvania State University, 1977, с. 127 и сл. Эти документы дают дополнительные свидетельства в пользу того, что церемония Вербного воскресенья была принесена в Москву Макарием и введена в измененном виде после того, как Иван Грозный стал царем.

⁴⁵ *Kantorowicz E. H.* The 'King's Advent' and the Enigmatic Panels in the Doors of Santa Sabina // Art Bulletin, 1944, т. 26, вып. 4, с. 230.

⁴⁶ Court Spectacles [см. прим. 9], с. 134.

⁴⁷ The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Russian Review, 1990, т. 49, вып. 1, с. 3.

⁴⁸ *Crummey*, Court Spectacles [см. прим. 9], с. 136–138.

гой — приравнивание царя обычному прислужнику. Такое явное самоуничтожение, в присутствии всего двора и иностранных гостей, несомненно производило сильное впечатление. Образцом подобного смирения царь мог считать не только императора Константина, но и самого Христа, смиренно принявшего крещение от Иоанна Крестителя (Матфей 3:13–17) и въехавшего в Иерусалим не на лошади, а на простом осле (Матфей 21:4–5). Ежегодная публичная демонстрация царской набожности выстраивала в сознании масс образ смиренного государя. Согласно московитской книжной мысли, именно смиренность и кротость, в противоположность силе и властности, отличали идеального правителя⁴⁹. Идеальный правитель должен быть посредником между волей Бога и действиями своих подданных, охранять православную веру и установленный порядок в государстве⁵⁰. Вербное воскресенье предоставляет царю возможность продемонстрировать смиренность в официальном контексте. Нужно помнить при этом, что царь демонстрирует смирение не перед главой церкви, а перед представителем Христа на земле. Это различие подчеркивается Собором в 1678 г. В результате расследования, Собор пришел к заключению, что обрядовый образ смиренного государя способствует вящей славе Христовой, и потому обряд в его первоначальной форме следует считать похвальным и богоугодным:

...наипаче, яко благочестивейшии Самодержци наши благоволят в нем, показания ради народу православному образа смирения своего и благопокорения пред Христом Господем, ибо обычай всемирный прияша, еже возседшу Патриарху на жребя, во память въехания Господня во Иерусалим, смиряти высоту свою царскую и скипетрокрасныма рукама си узде того ослати прикасаться и тако ведуще то даже до храма соборнаго служителствовати Христу Господу: за сие убо дело есть похвално, ибо мнози толиким смирением Царя земнаго пред Царем Небесным умиляются и внутрь себе дух сокрушения стяжавше от Бога, ко глубине душеспасеннаго смирения нисходять и от сокровищ сердечных теплое ко Христу Господу испускают воздыхание, благоговейными усты воспевающе: «Осанна во вышних, благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев»⁵¹.

⁴⁹ Daniel Rowland, Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s)?, *Russian Review*, т. 49, вып. 2, 1990, С. 135.

⁵⁰ В том же, С. 132 и сл.

⁵¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук (АСоб), т. 4, 1645–1700, №223, с. 308–309.

Раз фигура конюшего «символизирует благоговение низшего перед высшим»⁵², то вывод Собора о том, что в лице конюшего «смирятся царь земной перед царем небесным» окончательно доказывает, что царь уничижается перед Христом, а не митрополитом.

Иногда митрополит представляет самого себя, как, например, во время торжественной церемонии своего рукоположения, на которой царь дарит его церемониальным посохом. *Многая лета* поется митрополиту и царю, после чего митрополит принимает участие в Шествии на осляти. Шествие проходит сперва по внутреннему двору недалеко от Соборной площади; затем движется вдоль Кремлевских стен к Никольским воротам, откуда митрополит благословляет город и его жителей. В таких случаях осла митрополита ведут бояре или дворцовые конюхи, ни в коем случае ни сам царь⁵³. Это доказывает, что дело было не в «Даре»: иначе бы, как того требовал Макарий, царь выступал бы конюшим митрополита на всех торжественных церемониях как дань уважения св. Петру.

Смирение перед Богом в лице митрополита, а не перед самим митрополитом следует также из исторического контекста. Как пишет специалист по истории церкви Е. Голубинский, начиная с правления Ивана III митрополит полностью находился в руках государя. По сути, государь сам назначал и смещал верховных пастырей, как был смещен Василием III митрополит Варлаам; порой дело могло дойти и до убийства, как в случае с митрополитом Филиппом в правление Ивана Грозного⁵⁴.

Не следует забывать теорию Острогорского о слиянии религиозного действия, Шествия на осляти, и квазирелигиозной с политическими коннотациями фигуры конюшего. В западных примерах с обрядовым конюшим, в которых король или император ведет лошадь папы, всегда присутствует политическая мотивировка, связанная с папством, тогда как на Руси конюший вошел в Вербное воскресенье как именно религиозный элемент обряда (что отметил и Острогорский)⁵⁵ и тем самым приобрел новое символическое значение. Для альтернативного прочтения обряда необходимо разделить эти два контекста — политический и религиозный.

⁵² *Labunka, Legend* [см. прим. 9], с. 245.

⁵³ ПСРЛ, т. 26, 1959, sub anno 1495, с. 326; АСоб [см. прим. 51], т. 1:1294–1598, № 184 (6 фев. 1539), с. 160–161; № 264 (20 фев. 1564), с. 299–300.

⁵⁴ *Голубинский Е.* История русской церкви. 2 тома в 4 частях и атлас. М. 1901 [2-е изд.], 1904 [3-е изд.], 1900, 1910, 1911. Т. 2, ч. 1, с. 648–649.

⁵⁵ *Zum Stratordienst* [см. прим. 9], с. 202–203.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Самое интересное в московском Вербном воскресеньи это то, что его структура не заимствована из евангельских рассказов. Два главных элемента обряда не упоминаются в Евангелии: группы мальчиков и конюший. Третий элемент — деревья, чьими ветвями устилали дорогу перед Христом, — упомянут лишь вскользь; о плодах же вообще нет речи, тогда как в московском шествии увешанное плодами дерево видимо играло центральную роль.

Источниками шествия было не столько Писание, сколько православная литургия и иконописные изображения Входа. В праздничном ряду иконостаса Христос по традиции изображается сидящим боком на осле и окруженным детьми, которые срезают ветви плодоносного древа, чтобы ими приветствовать Христа как победителя. Дети пришли в иконопись не из традиционных Евангелий, а из апокрифического Евангелия от Никодима, где именно дети, а не безымянные толпы, расстилают одежды перед Христом — древний знак признания царя-помазанника. В Вербное воскресенье разыгрывается иконописное изображение Входа; участники этой живой картины помогают неосязаемому претвориться в плоть, в согласии с византийским пониманием искусства. Живая картина полностью соответствует иконописному прототипу: в ней представлены и ученики, и горожане, и дети, расстилающие одежды, и дети, сидящие на дереве, и само плодоносное дерево; осел представлен ряженой лошадью, а Спаситель митрополитом⁵⁶. Единственный, для кого тут не нашлось исторического или иконописного прототипа, — это царь. В то же время, его «игра» на равных с персонажами из Священного писания придает царю ауру святости. Переход действия от одного жанра в другой, от статической иконы в динамический обряд, подчеркивает исключительность фигуры царя как основополагающего камня в современном государстве — камня, который соединяет собой прошлое и будущее.

Из-за многозначности обряда Вербного воскресенья (о чем шла речь в начале) шествие как знаковая система оперирует на нескольких уровнях. У каждого обрядового символа, взятого отдельно или в сочетании с другими, оказывается несколько значений⁵⁷. Особый интерес

⁵⁶ В письме Алексею Михайловичу от 30 марта 1659 г. низложенный патриарх Никон жаловался на митрополита Питирима, занимающего его место в московском обряде Вербного воскресенья, говоря, что ему как патриарху было страшно *изобразить* Христа, т.е. принимать образ Бога, быть живой иконой. См. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости / Ред. Б. А. Успенский. М. 1987, с. 110.

⁵⁷ Ср. обсуждение синтетических и аналитических свойств обрядового символизма и его двусмысленности в: Kertzer D. I. *Ritual, Politics, and Power*. New Haven-London, 1988, с. 11.

для нас представляют символы, связанные с образом царя и имеющие как исторические, так и эсхатологические коннотации. Начать следует с фигуры конюшего.

Описанию конюшего в «Даре» соответствует фреска XIII в. в капелле св. Сильвестра церкви Сантиссими Кваттро Коронати в Риме (рис. 6). Нужно отметить сходства и отличия между обрядом Вербного воскресения и этой фреской, иллюстрацией императорской покорности.

Особенно интересно то, что на фреске Константин держит лошадь понтифика за уздечку, символ покорности; папа же держит в руках вожжи, бразды правления. В Вербное воскресенье дворянин-конюший держит осла именно под уздцы — немаловажная деталь. За вожжи осла ведет только царь, Божий помазанник. Именно он движет всем шествием, в его руках бразды правления: на иконах их держит Христос. То, что царь одновременно ведет осла и тащит его, придает его образу амбивалентность, несомненно отмеченную зрителями. В знаменитом послании «Москва — Третий Рим» монах Филофей обращается к московскому государю, великому князю Василию III, отцу Ивана Грозного, как к *браздодержателю* всех Божьих храмов в святой апостольской церкви Пречистой Богородицы⁵⁸. Уместен также и образ из «Сказания о Махмет-Салтане» Пересветова: *«Невозможно государю без грозы: как лошадь под ним не может без узды, государь не может без грозы»*⁵⁹.

Таким образом, роль конюшего неоднозначна. Она несет в себе взаимодополняющие характеристики совершенного государя: смиренность (тащит осла) и авторитарность (прокладывает путь). Два начальных антифона из литургии Вербного воскресенья содержат цитаты из Псалмов (114 и 115; 115 и 116 в западной нумерации). В них царь, вслед за царем Давидом, заявляет о своих благочестивых и смиренных намерениях:

Возлюбих, яко услышит Господь глас моления моего <...> вероух, темже возглаголах, аз же смирихся зело <...> что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми; чашу спасения прииму и имя Господне призову. Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми Его.

Смиренный, но сильный лидер — таким выступает царь в Вербное воскресенье. Этот образ соединяет в себе черты царя земного и царя небесного: смиренный Мессия, пришедший, чтобы вывести паству к

⁵⁸ *Малинин В.* Старец Елеазорова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901.

⁵⁹ *Пересветов И.* Сочинения // Сост. и комм. А. А. Зимина, под ред. Д. С. Лихачева. М.–Л. 1956, с. 153.

свету. В апологетической литературе и летописях того времени Иван Грозный часто назывался духовным пастырем своих подданных. Образ царя-пастыря подкрепляется свидетельством папского посланника Поссевино, находившегося в Москве в 1581–1582 гг.:

Московиты с детства имеют обыкновение так говорить и думать о своем государе, получив это установление из рук предков, что чаще всего на ваш вопрос отвечают так: «Один Бог и великий государь это ведают», «Наш великий государь сам все знает», «Он единым словом может распутать все узлы и затруднения», «Нет такой религии, обрядов и догматов которой он бы ни знал», «Что бы мы ни имели, когда преуспеваем и находимся в добром здравии, все это мы имеем по милости великого государя». Такое мнение о себе он поддерживает среди своих с удивительной строгостью, так что решительно хочет казаться чуть ли не первосвященником и одновременно императором. Самой своей одеждой, окружением и всем прочим он старается выказать величие даже не королевское, но почти папское⁶⁰.

В обряде Вербного воскресенья образ государя-пастыря сопровождается любопытной малоизученной деталью. В живописных и словесных описаниях обряда XVII в., царь ведет осла митрополита не один: его поддерживают под руки первые из его дворян (см. рис. 7). Что это может означать? Чтобы ответить на этот вопрос, следует взглянуть на Шествие на осляти как на самостоятельный обряд, а не просто часть шествия на Вербное воскресенье.

К концу XV в. Шествие на осляти стало непременным элементом церемонии рукоположения митрополита. Оно должно было подчеркнуть прямую связь между рукополагаемым пастырем и Христом, Великим первосвященником, на входе в Иерусалим. Существуют и другие выражения этой связи. По окончании литургии, во время торжественной службы (неизменной, по всей видимости, начиная с рукоположения Илариона в 1051 г.), по обе руки митрополита встают архиепископ и еще один священнослужитель в высоком сане, возможно архидьякон. Они возводят митрополита под руки на трон, распевая при этом *Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα* и *Многая лета, Господи*⁶¹. Этот обряд повторяется трижды и означает физический акт вступления митрополита в сан прелата. Во время торжественных церемоний, например, Водосвятия, ми-

⁶⁰ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М. 1983, с. 10.

⁶¹ Никольский, О службах [см. прим. 9], с. 3–5.

трополита ведут под руки в память о его рукоположении. Таким образом, ритуальное брание под руки имеет абсолютно четкие ассоциации. Иван безусловно желал этим показать, что его следует воспринимать как светского и духовного пастыря его подданных.

Брание под руки могло быть древним обрядовым жестом, но не исключено, что царя стали брать под руки только в XVII в., чтобы подчеркнуть его пастырскую функцию. Так или иначе, образ Ивана Грозного как смиренного пастыря, прокладывающего путь Христу в Иерусалим с тем чтобы обеспечить спасение для православной паствы, имеет четкие эсхатологические и исторические коннотации.

Иконография Входа в Иерусалим восходит к римской имперской традиции триумфальных выездов (*profectio*) и въездов (*adventus*) в город. Канторович убедительно показал, что обрядовый Вход следует рассматривать двояко: как проигрывание конкретного исторического события и как абстрагированное невременное действие с эсхатологическими мессианскими аллюзиями⁶². Во втором случае образ римского императора верхом на коне, ведомого крылатой Победой, переходит в образ Царя Иудейского, ведомого ангелом, который упоминается и в Ветхом, и в Новом Заветах:

и се, азъ послю аггъла моего предъ лицомъ твоимъ, да сохранитъ теа на пѣти, яко да введетъ теа въ землю, юже оуготовахъ тебѣ (Исход 23:20).

якоже есть писано во пророцѣхъ се, азъ посылаю аггъла моего предъ лицомъ твоимъ, иже оуготовитъ пѣть твой предъ тобою (Марк 1:2–3).

В христианской традиции таким предвестником Пришествия Христа считается Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча в православии). В литургии его роль обозначена четко, как, например, в службе на Страстной четверг в Синаксисе св. Иоанна:

Яко духа рачитель и благодати Боговещанная ластовица, ясно смотрение Царево, человеческому роду из Чистыя светло возставшаго человекоев на обновление просветил еси, Предтече, сетующихъ обычаи отщемля в конецъ, сердца в покаянии крещальныхъ, блажен Богопрятие⁶³.

Хотя исторический Вход, *adventus*, воспроизводимый на Вербное воскресенье, отделен от эсхатологического *adventus*, т. е. Второго при-

⁶² The King's Advent [см. прим. 45], с. 221 и сл.

⁶³ Месяца января на 7-й день. Собор святого славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. Вечер // Минея. Январь. Ч. 1. М.: Изд. Моск. Патр., 1983, с. 253.

шествия (как считает Канторович), в средневековом сознании эти концепции часто путались. Канторович полагает, что московский обряд Вербного воскресенья уникален тем, что в нем историческое и эсхатологическое измерения сливались воедино⁶⁴. Воспроизведение Входа создает исторический образ; царь-конюший — это образ эсхатологический. Можно добавить здесь, что в роли конюшего царь также отождествлялся с предвестником Христа, Иоанном Предтечей, своим святым покровителем. Важно то, что здесь эсхатологический образ заслоняет исторический факт: Иоанн был казнен задолго до Входа. В результате подчеркивается динамическое напряжение между смиренным образом Предтечи и грозной фигурой Христа Второго пришествия. Восприятие гражданами Москвы как Нового Иерусалима со временем усилилось; для них эсхатологические аспекты Вербного воскресенья служили напоминанием, что конец света может настать в любую минуту. Обряд подчеркивал образ идеального государя, одновременно смиренного и властного, способного вывести свою паству к спасению и до, и после конца света.

Обряд не только говорил о насущных заботах настоящего и об обетах грядущего. Образ царя был также обращен назад, в славное прошлое, к прообразу славы Нового Иерусалима. Расширив путь процессии до Покровского собора на Красной площади, Иван получил возможность манипулировать историческим и эсхатологическим аспектами обряда.

Покровский собор был воздвигнут Иваном в память о грандиозной победе над казанскими татарами в 1552 г. Ежегодно, в день торжественного Входа в Иерусалим, Иван подводил шествие к Иерусалимскому приделу собора, выстроенного в честь его собственного триумфального входа в город иноверцев. И в Москву, т. е. Новый Иерусалим, Иван вернулся победителем, героическим защитником православия; на подходе к городу его приветствовал двор во главе с митрополитом (согласно Никоновской летописи). В приветственной речи Макарий приравнял Ивана к Константину Великому, Александру Невскому и Дмитрию Донскому; затем все преклонили колена, проливая слезы радости и благодарности за его победу и благополучное возвращение. Иван сменил доспехи на царское облачение, включавшее регалии Мономаха, и *пешком* вошел в город посреди народного ликования⁶⁵. Таким образом, маршрут шествия — от Успенского собора, где Иван был помазан на царство, к Иерусалимскому приделу собора, воздвигнутого в честь его грандиозной победы — служил ежегодным напоминанием и о его бессмертном подвиге во имя христианской веры. Двойственная природа

⁶⁴ The King's Advent [см. прим. 45], с. 229.

⁶⁵ ПСРЛ, 1965, т. 13, с. 225–227.

Вербного воскресенья позволила Ивану ежегодно отмечать свой казанский триумф в рамках религиозного календарного празднества.

В последующие царствования ассоциации с казанским завоеванием ушли из обряда. Тем не менее, возвышенные обрядовые образы царя и митрополита продолжали придавать московскому Вербному воскресенью уникальный мистический характер. В середине XVII в. обряд стал проводиться во многих епархиях. В результате Собор 1678 г. позволил проводить обряд только в Москве, в знак духовного первенства московского шествия.⁶⁶

...да то действие... во славу Христа Господа нашего и за благоговейство благочестивейших Венценосцев точною в самом царствующем граде Москве, присущу Скипетроносцу, от самага Патриарха действовемо будет, а не от инех Архиерей и во время междупатриаршества; несть бо лепо нижшим Архиереем совершати. Во градех паки инех, всего государства Велико-Российскаго, ни един от Архиерей к тому да дерзает, осля устроив, на нем яждение деяти во память шествия Господа нашего во град Иерусалимский, яко тамо ни Царь присушествует, ни устав того творити повелевает, ни образа тому веков древних во благочестии обретаем⁶⁷.

К концу семнадцатого столетия иконографическое видение обряда уступило место светскому. Причиной тому были притязания Никона в борьбе за авторитет между царем и патриархом. Петр I в 1697 г. отменил обряд Вербного воскресенья⁶⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вербное воскресенье и Водосвятие были наиважнейшими из публичных религиозных празднеств. В XVI–XVII вв. в этих празднествах принимали участие главы московской церкви и московского государст-

⁶⁶ Я не согласен с В. Саввой, считающим, что Собор в результате ограничил церемонию Москвой, чтобы поднять статус патриарха (*Савва В.* Московские цари и московские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901, с. 173–174). Роль Христа была закреплена за московским патриархом (хотя, как отмечено выше, сосланный Никон был заменен на митрополита Питирима), но отсутствие царя предложено как одна из основных причин, почему архиереи не смеют совершать Шествие на осле вне Москвы. См.: *Живов, Успенский, Царь и Бог* [см. прим. 56], с. 112–115.

⁶⁷ АСоб [см. прим. 51], т. 4, с. 309.

⁶⁸ Никольский. О службах [см. прим. 1], с. 53; *Живов, Успенский, Царь и Бог* [см. прим. 56], с. 112–115.

ва. Из-за характерной обрядовой фигуры смиренного государя эти обряды долго понимались как выражения *подчинения* государя институции церкви или же ее главе, т. е. митрополиту или патриарху. Мы постарались доказать, что такая интерпретация опирается лишь на физический аспект обряда, игнорируя символические смыслы, заключенные в обряде как религиозном празднестве. Что бы мы не думали об истинной природе царской власти в Московии, независимо от того, были ли царь абсолютным монархом или простым управляющим, разыгрывание дважды в год, перед всем двором и иностранными посланниками, роли смиренной и *подвластной* не имело никакой политической выгоды. Но именно фигура царского смирения придавала исключительный статус этим двум праздникам.

Среди культурных артефактов, содержащих аллюзии на конец света и Второе пришествие, обряд Вербного воскресенья занимает уникальное положение. В сердце столицы, за неделю до Пасхи, важнейшие люди московского государства разыгрывали конец света. Царь играл главную роль, но при этом находился вне разыгрываемого действия. Тем самым царь получал возможность смиренно славить Христа и в то же время подчеркивать свою собственную функцию пастыря в период духовного кризиса. Одновременно с этим царь также напоминал зрителям о своих свершениях в роли царя и христианина. Вербное воскресенье позволяло царю ежегодно указывать подданным, что именно он, московский царь, а не свергнутый византийский император, держит бразды правления, и что именно он, смиренно подражая Христу, ведет православное христианство по предначертанному пути.

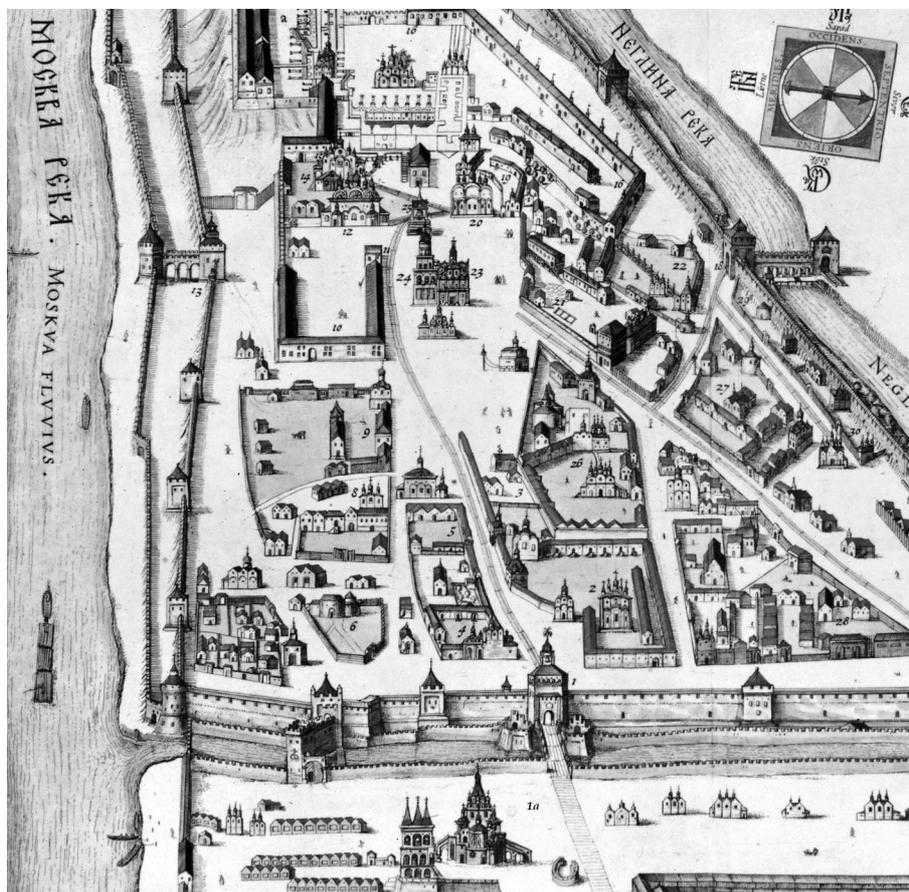
Michael S. Flier

Harvard University

THE IMAGE OF THE TSAR
IN THE MUSCOVITE PALM SUNDAY RITUAL

The Palm Sunday ritual was one of the two primary events involving tsar and metropolitan (later patriarch) in 16th- and 17th-century Muscovy. Some of the most detailed information about the ritual comes from foreign accounts, including actual engravings of the rite as performed in the mid-17th century. Because of the tsar's role as equerry, holding the reins of the ritual ass (a disguised horse) on which the chief prelate was seated in imitation of Christ entering Jerusalem, most foreigners read such deference as submission of secular authority to the head of the church.

The present study describes the function of Palm Sunday in the Orthodox calendar and then proceeds to account for the introduction and development of the Palm Sunday ritual in Moscow, tracing its influence in the Donation of Constantine and its subsequent elaboration in time and space. The submission hypothesis is reexamined in terms of the tsar's role in the ceremony, with particular attention to the performative, iconographic, historical, and eschatological dimensions of the ritual itself. In the final analysis, the tsar is understood to be fulfilling a pivotal function in elevating his own status and making deft use of sacred space to underscore his spiritual as well as secular authority.

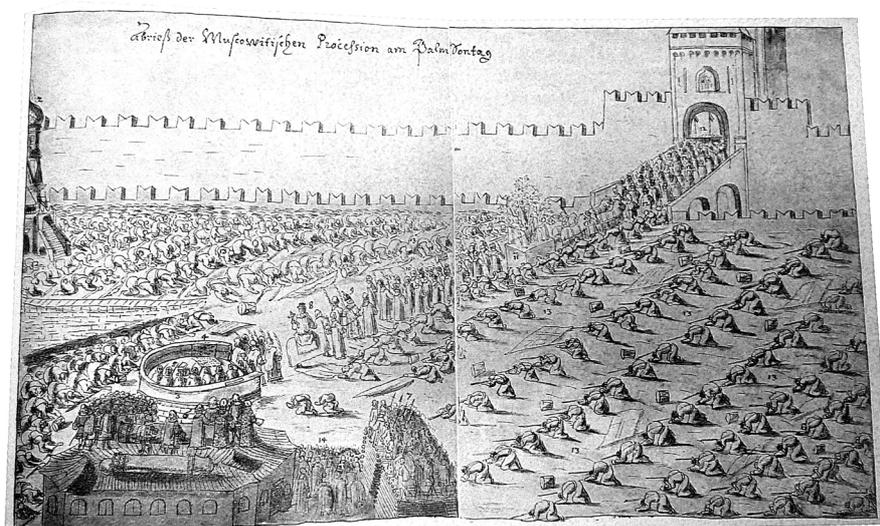

1. План Московского Кремля (*Кремленаград*). Начало 1600-х гг. Фрагмент:

- 1. Спасские (Фроловские) ворота.
- 1а. Красная площадь: Церковь Покрова что на рву (Храм Василия Блаженного) и Лобное место.
- 12. Архангельский собор.
- 14. Благовещенский собор.
- 20. Успенский собор

2. Обряд Вербного воскресенья. Москва, 10 апреля 1636 г.
 Гравюра из книги: Adam Olearius, *Vermehrte Neue Beschreibung
 der Muscovitischen und Persischen Reise* (Schleswig, 1653), с. 132a

3. Обряд Вербного воскресенья. Москва, 23 марта 1662 г.
 Гравюра из книги: Ф. Аделунг. Альбом Мейерберга.
 Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903, л. 73

4. Пелена княгини Елены. 1498 г. ГИМ. Москва.

Средний ряд, слева (слева направо):

князь Дмитрий (в короне с нимбом, со скрещенными руками),
сын Елены;

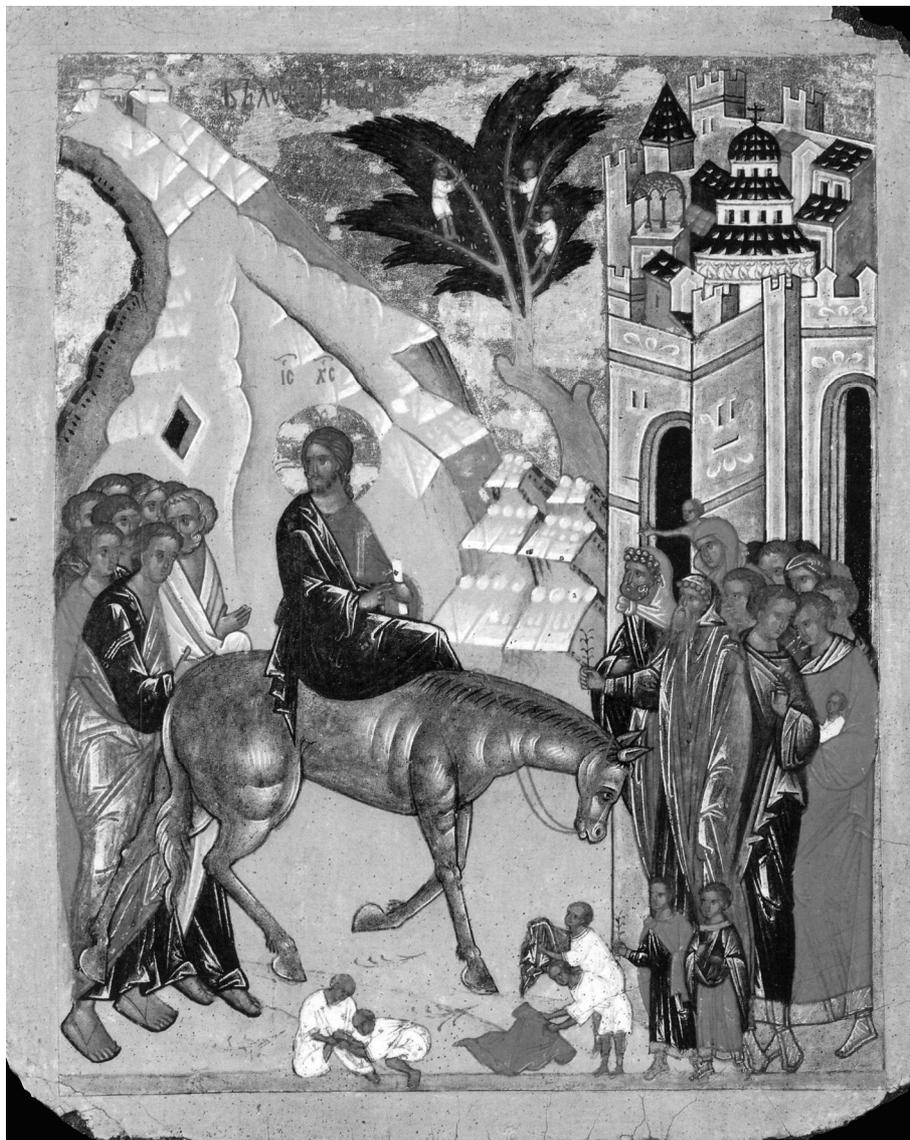
Василий, сын Ивана III;

великий князь Иван III (в короне с нимбом).

Средний ряд, справа: митрополит Симон (с нимбом).

Первый ряд, слева:

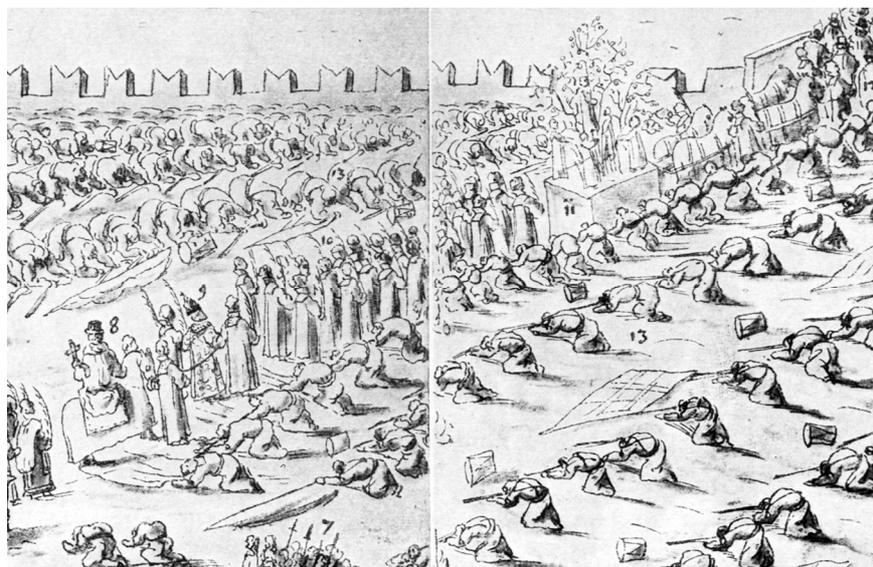
великая княгиня Софья Палеолог (четвертая слева),
за ней две незамужние дочери, Феодора и Евдокия,
по бокам от княгини Елены

5. Вход Господень в Иерусалим. Лицевая сторона двусторонней иконы. Новгород. Софийский собор. Конец XV — начало XVI вв.

6. Вход папы Сильвестра в Рим (император Константин ведет лошадь папы).
Фреска. Часовня Св. Сильвестра в соборе Санти Кваттро Коронати, Рим. 1246

7. Обряд Вербного воскресенья в Москве, 23 марта 1662 г. Фрагмент рис. 3

8. Церковь Покрова что на рву (Храм Василия Блаженного). 1555–1561.
Вид с северо-запада. Москва, Красная площадь.
Придел Входа Господня в Иерусалим — на переднем плане над лестницей